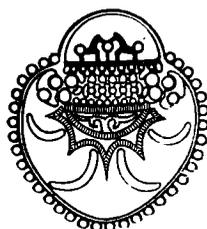

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

ОСТАТКИ ЗАМКА VI—VII вв. НА ГОРОДИЩЕ АК-БЕШИМ

В 1954 г. Чуйским археологическим отрядом Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР, производившим археологическое изучение одного из крупных древних городищ Северной Киргизии — городища Ак-Бешим¹, среди ряда других объектов² раскопаны остатки замка-башни VI—VII вв.

Замок был расположен к юго-востоку от стен шахристана на территории городской округи, огороженной длинной стеной³. Вся эта площадь занята ныне посевами и потому большинство расположенных здесь холмов, скрывающих остатки древних сырцовых сооружений, уже находится в полураспаханном состоянии.

Поэтому и остатки замка до раскопок представляли собой округлый (диаметром 25—26 м) холм с пологими склонами и вспаханной поверхностью. Так как вся местность имеет общее понижение с юга на север, то высота холма над окружающей почвой неравномерна: с юга — 1,58 м, с севера — 2,2 м. Западная полая холма была срезана плугом в виде уступа на глубину 0,8 м.

Несмотря на плохую сохранность памятника, все же были предприняты его раскопки. Они были вызваны обнаруженными на этом холме тремя редкими по форме кирпичами-налепами из обожженной глины в виде кругов или низких цилиндров с глубоко оттиснутыми крестообразными углублениями, напоминающими очертания несторианского креста (рис. 1)⁴.

От замка сохранилось очень немного. Раскопки вскрыли остатки некогда прямоугольного достаточно мощного пахсового стилобата размерами около 15 × 10 м и до 2,5 м высотой (рис. 2). Первоначально стилобат имел большую площадь. Несмотря на тщательную расчистку его, нигде, к сожалению, не удалось обнаружить ненарушенных частей внешней поверхности стилобата, и поэтому мы ничего не можем сказать о том, как были оформлены наружные фасадные плоскости его стен.

Верхняя, относительно гладкая и ровная поверхность стилобата после расчистки оказалась покрытой сложной, беспорядочно расположенной сетью трещин, образовавшихся при высыхании толщи отдельных слоев пахсы.

Изучение стилобата показало, что он сооружен на материковом слое из мелкого галечника путем наращивания по вертикали нескольких слоев битой глины по всей поверхности. Разрез толщи стилобата выявил, что

¹ Городище Ак-Бешим расположено в 8 км к юго-западу от г. Токмак Фрунзенской области Киргизской ССР.

² См. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957; его же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1958.

³ План городища, на котором замок отмечен как объект V, см. Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда..., стр. 91, рис. 2.

⁴ Ср. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 166, рис. 72, 2.

слои пахсы имели толщину 0,4 м (только один слой — 0,52 м) и таких слоев было, очевидно, шесть. При этом необходимо заметить, что не все слои имели четкие границы, обособляющие их друг от друга, так как плотная набивка глины приводила к их спаиванию.

Таким образом была получена монолитная, чрезвычайной крепкой пахсовая площадка, на которой некогда был воздвигнут замок, видимо имевший вид башни, сложенной в основном из сырцовых кирпичей.

Мелкие обломки сырцовых кирпичей покрывали стилобат сверху и образовали мощные завалы по его сторонам, в результате чего памятник имел до раскопок, как указывалось, вид округлого холма. Многочисленность остатков сырцовых кирпичей⁵, количество которых, надо полагать, первоначально было значительно большим (необходимо принять в расчет уничтожение и растаскивание кирпичей как в древности после разрушения замка, так и в позднее время, когда эта площадь стала объектом многолетней распашки), позволяет заключить, что воздвигнутая некогда на описанном выше стилобате башня была достаточно высокой и,

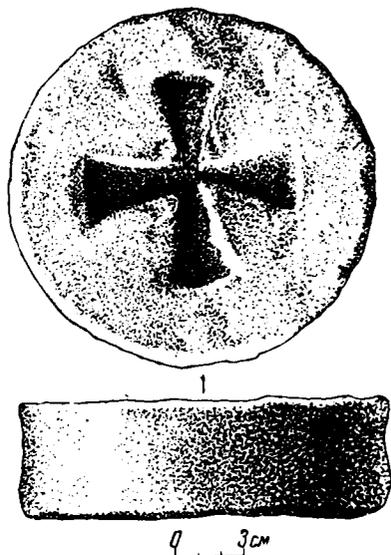

Рис. 1. Круглый обожженный кирпич с крестовидным вдавлением

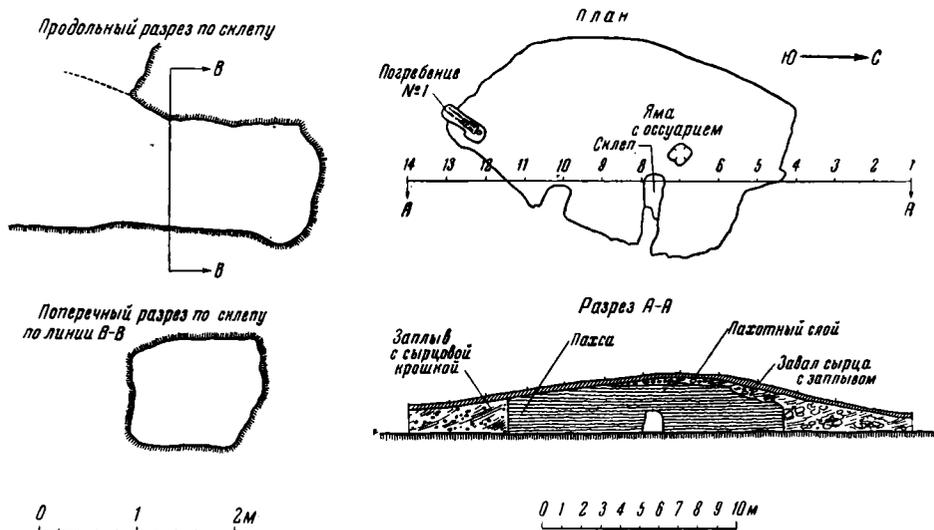

Рис. 2. Планы и разрезы остатков замка и погребений

по-видимому, представляла собой двухэтажный замок, подобный замку, изображенному на известном серебряном Аниковском блюде⁶, и по декорировке была близка замку Ак-Тепе близ Ташкента⁷.

⁵ К сожалению, из-за сильной раздробленности обнаруженных обломков сырцовых кирпичей установить их первоначальные размеры оказалось невозможным.

⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 20; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Новые исследования по истории архитектуры народов СССР. Сообщ. Ин-та истории и теории архитектуры, вып. 8, М., 1947, стр. 42, рис. 6.

⁷ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Тр. Ин-та истории и археологии АН Узбекской ССР. Материалы по археологии Узбекистана, т. I, Ташкент, 1948.

О сходстве с указанными замками свидетельствуют и найденные на разных уровнях в сырцовом завале многочисленные обломки и целые экземпляры фигурных обожженных кирпичей. Набор фигурных кирпичей состоит из трех многократно повторяющихся типов. Это, прежде всего, уже упомянутые круглые кирпичи-налепы с крестовидными углублениями в центре⁸. Диаметр их 15—16 см (чаще 16 см), толщина 5—7,5 см (чаще 6 см). Крестовидные вдавления заходят в толщу кирпича глубоко, но

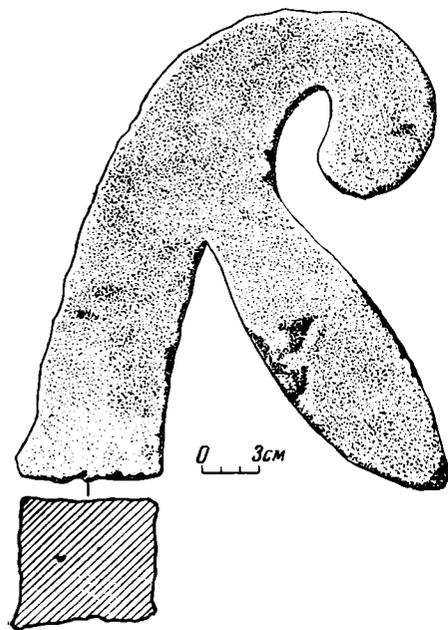

Рис. 3. Обожженный фигурный кирпич

на разные уровни (от 2 до 4,5 см), и только в нескольких случаях в центре вмятин обнаружены круглые отверстия (диаметр — 8 мм), очевидно предназначавшиеся для насаживания на деревянные штыри, втыкавшиеся в сырцовые стены.

Второй тип — кирпичи в виде перевернутой буквы «У» (рис. 3)⁹.

Третий тип — зубчатые кирпичи (рис. 4)¹⁰, высота их 25 см, ширина внизу 22 см, обмер ножек снизу — 6,5 × 6,5 см; такие же размеры имеет в сечении и самый верхний зубец.

Четвертым типом найденных здесь обожженных кирпичей являются простые прямоугольные кирпичи размерами 34 × 17,5 × 4,5 (5) см или 34 × 16 × 3,5 см¹¹.

Все эти четыре типа обожженных кирпичей не являлись конструктивными строительными деталями, каковыми была пахса и сырец, а составляли лишь элементы внешнего декора фасада замка,

располагаясь на вертикальных плоскостях сырцовых стен и фризах двух его этажей, очевидно, совершенно так же, как это изображено на известном рельефе Аниковского блюда. Наши фигурные кирпичи всегда с одной стороны имели следы сырцовой массы, в которую они некогда были вмazаны, причем на боковых поверхностях их сохранился тонкий серый слой засохшего раствора. Отметим, что у всех трех типов фигурных кирпичей задние плоскости, предназначавшиеся для скрепления со стенами, даже не заглажены, а у круглых налепов сзади имеются крестовидные, ромбические или неправильные треугольные вмятины, способствовавшие их скреплению с сырцом.

Детальное описание согдийского замка VI—VII вв. на Аниковском блюде неоднократно давалось в исторической литературе. Отметим лишь то, что не замечено другими авторами: в набор его декоративных деталей из обожженной глины входили не только все три типа фигурных кирпичей, описанных выше, но и прямоугольные кирпичи, также найденные в

⁸ Целыми и в обломках их обнаружено свыше 27 экземпляров.

⁹ Найдено (вместе с обломками) 13 экземпляров. Высота этой фигуры (при установке обеими ножками на плоскость) — 25—26 см, ширина основания — 23 см; размеры ножек в поперечном сечении: 7 × 6,4, 7 × 7, 6,5 × 6,5 см; толщина верхнего завитка 6 см.

¹⁰ Найдено (вместе с обломками) семь экземпляров.

¹¹ Обнаружено два целых кирпича и обломки от нескольких других экземпляров с размерами (без длины) 16 × 4,5 см; 15,5 × 3,5 см; 16 × 4 см. Упомянем, что среди них оказался обломок кирпича серого цвета с двумя оттисками прямоугольного сетчатого штампа на одной поверхности (длина оттиска 16 см, наибольшая ширина 4,5 см, но край по ширине оббит).

развалинах Ак-Бешимского замка. Из них и состояли, очевидно, фризы первого и второго этажей замка — в виде поясов из наклонно установленных кирпичей под венчающими стены зубчатыми кирпичами.

Прямоугольные обожженные кирпичи тех же самых размеров, т. е. совершенно аналогичные обнаруженным среди остатков башни в Ак-Бешиме, оказались и в замке Ак-Тепе близ Ташкента (VI—VII вв.)¹², где вместе с ними найдены три остальных типа фигурных кирпичей (зубчатые, круглые с крестовидным отверстием и У-образные)¹³.

Те же три типа фигурных кирпичей были открыты еще в 1927 г. М. Е. Массоном при раскопках здания VI—VII вв. на шахристане древнего Тараза (г. Джамбул) в Южном Казахстане¹⁴.

Все указанные архитектурные аналогии уже позволяют заключить, что раскопанный нами в Ак-Бешиме замок-башня был сооружен и обитаем в VI—VII вв. Однако имеются и другие факты для подкрепления такой датировки. Это прежде всего стратиграфические данные. На самом холме были вскрыты впускные погребения, захоронение которых совершено уже после того, как замок был разрушен и превратился в холм.

Погребение № 1 — вытянутое труположение на спине, головой на северо-восток, без вещей. Яма располагалась в южном поле холма (рис. 2), причем она немного врезалась в пахсовый стилобат¹⁵.

Если погребение № 1 (по поводу датировки которого можно сказать лишь, что оно относится ко времени после VIII в.) не способствует установлению времени разрушения замка, то большое значение для выяснения этого вопроса имеет второе впускное оссуарное погребение, обнаруженное в северной половине холма. Здесь при расчистке пахотного слоя обнаружена подквадратная яма $0,95 \times 0,9$ м, впущенная в пахсовый стилобат так, что дно ее выявлено на глубине 0,9 м от верхней близлежащей точки холма (отметка 7). В яме оказались обломки оссуария овальной формы и человеческие кости плохой сохранности. Верхние части оссуария были извлечены тракторным плугом при пахоте, а нижние перемешаны. На одной из боковых стенок оссуария сохранилось изображение «деревца», прочерченное палочкой по сырой еще глине (рис. 5).

Аналогичные овальные оссуарии, также происходящие из впускных погребений, обнаружены были на городище еще при строительстве железной дороги Фрунзе—Рыбачье, которая прошла вдоль северной стены шахристана городища Ак-Бешим¹⁶. Найдены они и в других пунктах

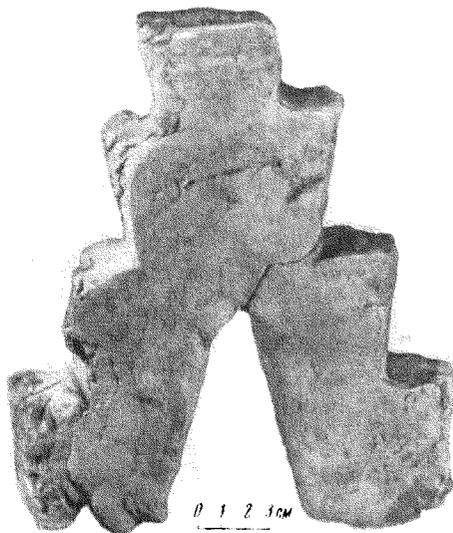

Рис. 4. Ступенчатый обожженный кирпич

¹² А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 119.

¹³ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., рис. 20, 22, 23; его же. Согд и Чач, рис. 69, табл. XXI, 18, 19, 20 и рис. 71, 9; ср. В. Л. Воронина. Ук. соч., рис. 7. (Размеры их близки нашим).

¹⁴ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Гумбез Манаса. М., 1950, стр. 110.

¹⁵ По определению Н. Н. Миклашевской, это погребение старика 60—70 лет, сочетающего монголоидные и европеоидные черты, причем первые преобладают.

¹⁶ Тр. Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». МИА, № 14, 1950, стр. 110.

Чуйской долины, в частности аналогичные оссуарии с древовидным орнаментом открыты Семиреченской экспедицией при раскопках кладбища во дворе усадьбы V—VII вв. на соседнем Краснореченском городище¹⁷, А. Н. Бернштам относил как прямоугольные, так и овальные оссуарии, найденные в Чуйской долине, к V—VII вв.¹⁸, имея в виду, однако, что прямоугольные оссуарии должны предшествовать овальным¹⁹. Он указы-

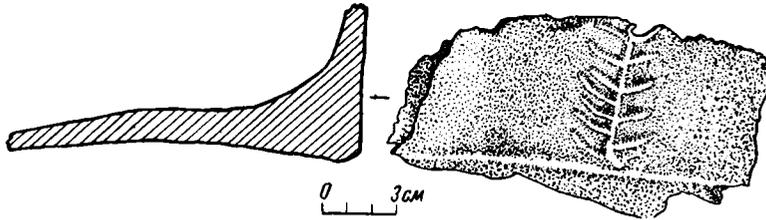

Рис. 5. Обломок дна оссуария из впускного погребения № 2 (глина)

вал при этом, что в так называемый карлукский период VIII—X вв. оссуариев уже нет, им на смену пришли погребения костей в хумах²⁰.

По мнению Б. Я. Ставиского, изучавшего оссуарный обряд погребений Средней Азии в связи с материалами из некрополя древнего Пенджикента, прямоугольные оссуарии Согда, Чача и Семиречья относятся к V—VI вв., а овальные — к VII — первой половине VIII в., но не позже²¹.

Учитывая обе вышеизложенные точки зрения и тот очевидный факт, что господство карлуков в Северной Киргизии началось в 766 г., мы, очевидно, должны считать, что впускное оссуарное захоронение, обнаруженное нами, может датироваться не позднее первой половины VIII в., а разрушение замка, видимо, относится к

концу VII в., так как нужен был значительный срок для того, чтобы замок превратился в заброшенный холм, в котором позже стали совершать захоронения.

Таким образом, и стратиграфические данные подтверждают дату существования замка (VI—VII вв.), установленную первоначально с помощью архитектурных аналогий. Эта датировка подкрепляется и теми немногочисленными предметами, которые нами обнаружены при раскопках этого памятника.

В разных местах холма, в завалах, между обломками сырцовых кирпичей, найдено несколько предметов. Среди них четыре железных: два обломка изогнутых пластин и два четырехгранных острия неясного назначения (рис. 6, 3, 5). Кроме того, обнаружены бочен-

ковидная бусина из белой стекловидной пасты с зелеными разводами (рис. 6, 4), небольшой наременный наконечник из бронзы с двумя заклеп-

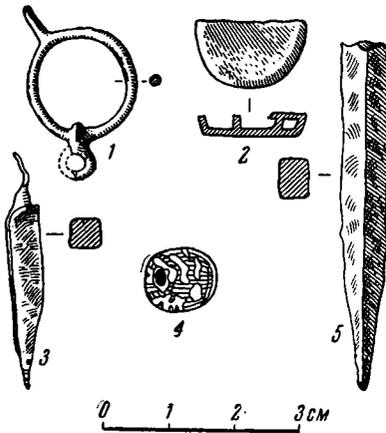

Рис. 6. Предметы, найденные при раскопках холма

1, 2 — бронза; 3, 5 — железо; 4 — стекло

¹⁷ Там же, стр. 15, 28, 30—32, 73, 81 и табл. XIV, 1, 3, 4; ср. табл. 62, 1, 4, 5.

¹⁸ Там же, стр. 29, 35. Ср., однако, дату VI—VIII вв. в подписи к табл. 62 на стр. 156. Первую находку прямоугольного оссуария в Чуйской долине см. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан. ИРАИМК, т. II, Петербург, 1922, табл. III.

¹⁹ Тр. Семиреченской археологической экспедиции, стр. 31.

²⁰ Там же, стр. 129 и ср. стр. 32, 33.

²¹ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большакови и Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, 1953, стр. 95; Б. Я. Ставиский. Пянджикентский некрополь, как памятник культуры Согда VII—VIII вв. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 13.

камни и обломанной задней пластинкой (рис. 6, 2) и бронзовая серьга с острым боковым выступом и колечком для привешивания подвески (рис. 6, 1). Последние две находки хорошо подтверждают установленную выше дату, так как они являются характерными предметами инвентаря тюркских могил VI—VII вв. на Алтае²².

Остается еще рассмотреть находки, обнаруженные нами в открытом здесь же своеобразном склепе. При расчистке пахсового стилобата с восточной стороны на уровне материкового галечника выявлен засыпанный ход, ведущий под толщу стилобата. После разборки завала оказалось, что это длинный минообразный прямой подбой, вытянутый с востока на запад (длина около 4 м, ширина 0,7—1,2 м, высота до 1,2 м). Он был пробит в глинобитной массе стилобата, т. е. сооружен позднее окончания строительства самой башни (рис. 2). Стены подбоя неровны, так как глинобитная масса выкалывалась целыми «блоками». Последнее свидетельствует, во-первых, о том, что стилобат к тому времени уже полностью высох, и, во-вторых, о том, что проходка подбоя осуществлялась не рубящим, а откалывающим орудием типа кайлы. Потолок подбоя значительно более ровный, чем его стены. Последнее обстоятельство объясняется тем, что граница потолка в данном случае совпала с разграничением двух горизонтальных слоев пахсы стилобата, о которых говорилось выше.

Находки позволяют заключить, что подбой являлся своеобразным семейным склепом. В его засыпке на разных уровнях и в разных местах найдены разбросанные фрагменты трех овальных оссуариев и их крышек, мелкие обломки человеческих костей, два почти целых черепа²³ и куски третьего, небольшой кувшинчик, черепки еще от трех сосудов, кусок крышки сосуда, два обломка железных изогнутых пластин и часть бронзового плоского кружка с отверстием в центре.

Склеп был разграблен и частично поврежден (обрушена часть потолка над входом), очевидно, сразу же после разрушения замка, так как в подбое, частью даже в западном конце его, найдены заброшенные туда фигурные декоративные кирпичи и их обломки: два целых круглых кирпича с крестом, два обломка кирпичей того же типа, целый зубчатый кирпич (рис. 4) и кусок ножки от другого зубчатого кирпича.

В то же время следует иметь в виду, что вход в склеп был возможен лишь до того, как здание превратилось в холм, ибо разрушение стен замка привело к нарастанию мощного завала сырцовых кирпичей над входом. Таким образом, оссуарные захоронения в склепе совершенно определенно относятся ко времени гораздо более раннему, чем верхнее, впускное в холм, погребение в оссуарии, т. е. склеп, очевидно, был сооружен еще до разрушения здания, когда, видимо, по какой-то причине возникла необходимость в этой «домашней семейной усыпальнице»²⁴.

Если считать, что разрушение замка относится ко второй половине или к концу VII в., когда был уже разграблен и склеп, то сооружение последнего следует относить не к VI в., а к первой половине VII в. Такое определение времени сооружения склепа подтверждают и сделанные в нем находки и, в первую очередь, овальные оссуарии, относящиеся, судя по всем вышеуказанным обстоятельствам и стратиграфическим условиям, к первой половине VII в., что находится в соответствии и с общепринятой их датировкой. Оссуарии были овальными в плане с выпуклыми боками

²² Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941, рис. 17 и табл. III Б, подвески у пояса; ср. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаа-гас у села Копены. Тр. ГИМ, вып. XI, 1940, стр. 33, рис. 11.

²³ Один из черепов определен Н. Н. Миклашевской как мужской, в возрасте 35—45 лет, смешанного типа.

²⁴ Аналогичное семейное кладбище во дворе замка V—VII вв. было обнаружено А. Н. Бернштамом на Краснореченском городище. См. Тр. Семиреченской археологической экспедиции, стр. 15, 16, 30—32, 35, 36 и 73.

и со скошенными во внутрь верхними краями, на которые опирались выпуклые крышки, прикрывавшие эти костехранилища²⁵.

Высота боковых стенок 23—24 и 30 см. Один оссуарий украшен только наlepным валиком, надрезанным ножом на рельефные, прилегающие друг к другу пирамидки (рис. 7, 1), другой — имеет наlep из выступающих зубцов, под которыми расположены резные треугольнички, заключенные в

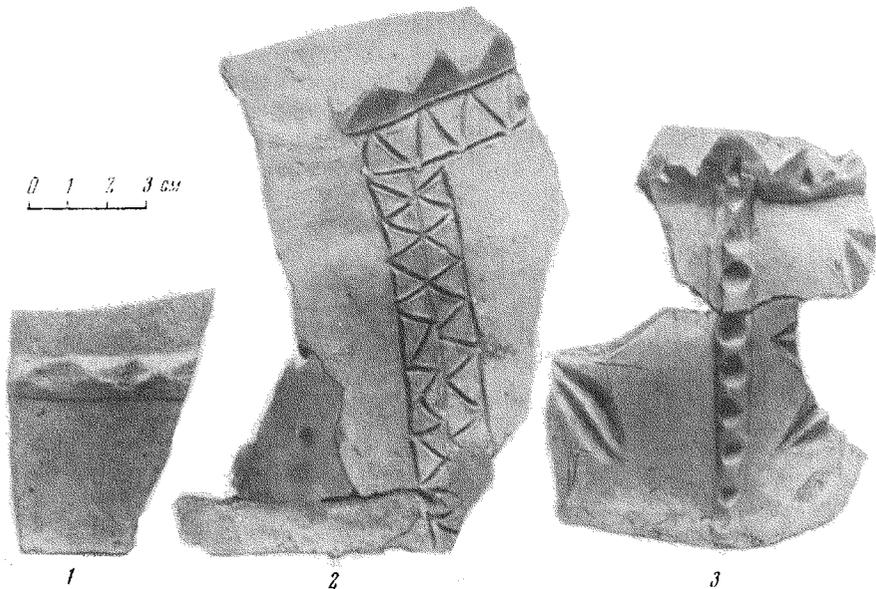

Рис. 7.

1 — обломок верха оссуария; 2 — обломок стенки оссуария; 3 — угловая стенка оссуария

пояски из параллельных линий и образующие, видимо, П-образную фигуру (рис. 7, 2). Наконец, у третьего оссуария от горизонтального ряда выступающих зубцов (с вырезанными треугольничками внутри них) отходит вниз наlepной валик с вмятинами на поверхности, а по обе стороны этого вертикального валика сохранились фрагменты двух звезд с вырезными лучами (рис. 7, 3), которых, по-видимому, было восемь.

Оссуарии с такими украшениями на территории Семиречья нам неизвестны. Наиболее близки нашим оссуариям некоторые костехранилища VII—VIII вв. из кладбища Пенджикента (Согд), среди которых имеются украшенные горизонтальными выступающими наlepами, разрезанными на зубцы²⁶, а также нарезными восьмилучевыми звездами²⁷. Отметим, что обрамление стенок оссуариев выступающими зубчатыми лентами, очевидно, является признаком довольно ранней даты, ибо в Семиречье подобный орнамент встречен лишь на прямоугольном оссуарии

²⁵ Сохранились лишь разрозненные обломки крышек (6) и боковинок (8) от трех оссуариев. Все оссуарии сделаны от руки, причем дно формовалось на подсыпке из песка, а стенки из широких лент (шириной до 4 см), наращиваемых по спирали друг на друга до шести раз. Обжиг хороший; глина в изломе красная с примесью мелкой гальки и песка. Поверхность покрыта белым или желтоватым ангобом. Крышки, судя по фрагментам, имели форму удлиненного овала, концы которого срезаны прямо (перпендикулярно продольной оси овала), причем у одного обломка заметен след прилива к ручке, хотя сами ручки не обнаружены.

²⁶ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 82, рис. 15.

²⁷ Там же, стр. 75, рис. 10.

V—VI вв., случайно найденном на р. Аламедин у г. Фрунзе²⁸, а в Согде они имеются на таких же по форме оссуариях из Биянаймана²⁹. Таким образом, описанные оссуарии из Ак-Бешима являются наиболее ранними из овальных, т. е. относятся, вероятно, к первой половине VII в.³⁰

В раскопанном нами склепе при погребении были, очевидно, установлены сосуды с пищей и напитками. От них сохранились лишь отдельные

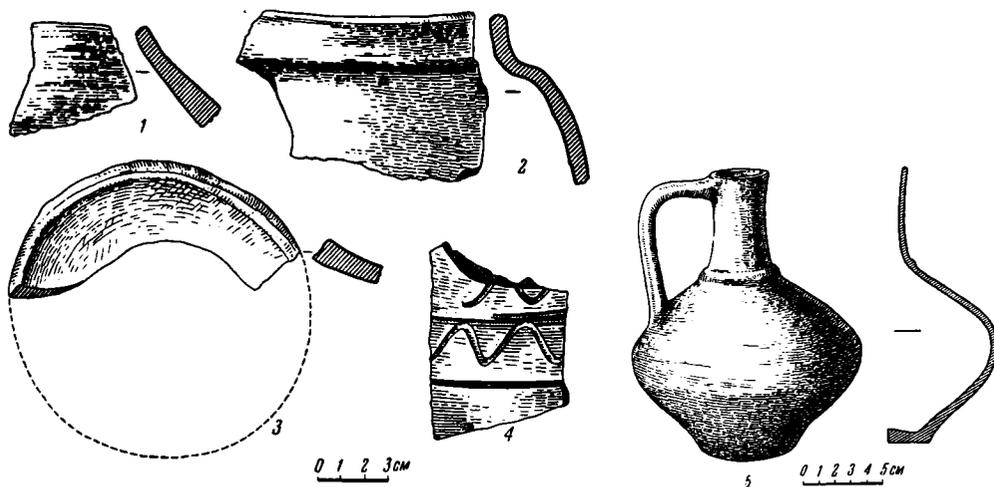

Рис. 8. Керамика из склепа

разрозненные обломки и один целый, изготовленный на круге небольшой кувшинчик (рис. 8, 5). Примечательно, что сам подбор сосудов аналогичен составу сосудов, найденных в наусах древнего Пенджикента³¹. Нами найдены сделанные на круге обломок венчика чаши (рис. 8, 1) и боковинка кувшинообразного сосуда с линейно-волнистым поперечным орнаментом на поверхности (рис. 8, 4), фрагмент лепного котла с крутым плечиком (рис. 8, 2) и кусок выпукло-вогнутой крышки сосуда, сделанной на песчаной подсыпке (рис. 8, 3). Все эти фрагменты находят себе прямые аналогии в согдийской керамике VI—VII вв. из Пенджикента и замка Ак-Тепе близ Ташкента³². Исключением является узкогорлый кувшинчик, которому не удалось найти аналогий (рис. 8, 5)³³. Датируется он по всему комплексу VII в.

Исследованный нами замок сооружен в VI в. и относится к числу ранних архитектурных сооружений Чуйской долины, связанных с возникновением первых городов в этой части Семиречья. Строительная техника, декоративные кирпичи и наличие семейного склепа с погребениями в овальных оссуариях, характер керамики — все это позволяет заключить,

²⁸ В. В. Бартольд. Ук. соч., табл. III.

²⁹ А. Я. Борисов. Изображения на биянайманских оссуариях. ТОВГЭ, т. II, Л., 1940, стр. 40, табл. I и II.

³⁰ Более поздними (вторая половина VII — начало VIII в.) являются оссуарии с древовидными изображениями, найденные на Краснореченском городище (см. Тр. Семиреченской археологической экспедиции, табл. XIV и LXII) и в верхнем впускном погребении, описанном выше.

³¹ Б. Я. Ставиский, О. Г. Большаков и Е. А. Мончадская. Ук. соч., стр. 84.

³² Там же, стр. 71, рис. 5; табл. IX, 4; А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе..., стр. 116, рис. 18 и рис. 19, 6. Найденные нами обломки сосудов все имеют желто-красный цвет глины в изломе (с примесью дресвы) и покрыты желтым ангобом.

³³ Поверхность его покрыта белым ангобом, горло хорошо заложено сверху вниз, цвет глины в изломе желто-красный, в глине имеется примесь серой дресвы, стенки его у дна подрезаны ножом.

что замок сооружен согдийцами, проникшими сюда из центральных областей Средней Азии в результате первой волны согдийской колонизации в Семиречье в V—VI вв.

Чрезвычайно важно при этом подчеркнуть, что переселение согдийцев происходило, очевидно, не столько с территории самого Согда (чего полностью, впрочем, отрицать нельзя), сколько из Чача (область современного Ташкента), культура которого в VI—VIII вв., как это доказано А. И. Тереножкиным, «развивается под прямым воздействием Согда и приобретает облик согдийской культуры»³⁴. К этому выводу нас приводит факт отсутствия как в Согде, так и в остальных районах Средней Азии, а также в сопредельных с ней областях замков подобного типа с тем же полным набором фигурных кирпичей, которые обнаружены до сих пор только в Чаче (замок Ак-Тепе) и в Семиречье (Тараз, Ак-Бешим). Наши новые материалы, таким образом, хорошо подтверждают заключение А. И. Тереножкина, указывающего, что в этот период «мощная согдийская колонизационная струя через Чач и Тараз (разрядка моя.— Л. К.)... глубоко проникает в Центральную Азию»³⁵.

Этот вывод, как мы видим, безусловно верен для Чуйской долины, и, во всяком случае, абсолютно верен для города, называемого ныне городищем Ак-Бешим, ибо, кроме результатов исследования описанного выше замка, это подтверждает и исследование нижнего строительного яруса шахристана этого городища, залегающего на глубине 7,5 м, где встречена керамика, во всем аналогичная керамике Чача V—VI вв. Этим материалам мы посвятим особую статью.

Наконец, в связи с нашими материалами следует остановиться еще на одном частном вопросе, а именно на вопросе о происхождении знаменитого Аниковского блюда, который по-разному решался разными исследователями. Теперь уже доказано, что этот замечательный памятник происходит не из сасанидского Ирана, как это считалось еще недавно³⁶, а является изделием среднеазиатского происхождения³⁷.

Вместе с тем оставалось неясным, в какой области Средней Азии работал тот безымянный тореут, который создал Аниковское блюдо.

А. И. Тереножкин и С. П. Толстов считали, что этот памятник создан в Хорезме³⁸; другие исследователи, как, например, В. Л. Воронина, в связи с находками фигурных кирпичей в Ак-Тепе близ Ташкента ставили под сомнение такое решение вопроса³⁹, и, наконец, третья группа авторов (прежде всего М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова⁴⁰) считают блюдо произведением согдийской тореутки. Полное согласие всех исследователей имеется лишь в датировке этого памятника VI—VII вв.

Вопрос решается, в первую очередь, безусловно, с помощью анализа архитектурных особенностей замка, изображенного на Аниковском блюде. И для того чтобы решить его правильно, необходимо учесть не отдельные элементы, а всю совокупность этих особенностей.

Здесь недостаточно ссылаться лишь на стилобат из пахсы и сооруженные на нем гофрированные стены, которые, как выясняется, присущи не только архитектуре раннесредневековых памятников Хорезма, но и Средней Азии в целом⁴¹.

³⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 162. В Чаче в этот период чеканятся уже местные монеты с надписями на согдийском языке.

³⁵ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 161.

³⁶ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Ук. соч.

³⁷ К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 283.

³⁸ А. И. Тереножкин. К истории искусства Хорезма. Искусство, 1939, № 2, стр. 121—126; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 198 и 205.

³⁹ В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 42, 43.

⁴⁰ М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова. Ук. соч., стр. 99. См. также М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, стр. 139.

⁴¹ В. Л. Воронина. Ук. соч., стр. 43 и сл.

Недостаточно также ссылаться на венчающие стены замка зубчатые кирпичи, так как и они были широко распространены в VI—VII вв. не только во всей Средней Азии⁴², но и в архитектурных памятниках сопредельных стран, от сасанидских крепостных сооружений на западе⁴³ до храмовых комплексов Восточного Туркестана на востоке⁴⁴.

Но как только мы поставим вопрос о том, где же распространен тот комплекс архитектурных особенностей, который присущ изображенному на Аниковском блюде замку, как сразу же обнаружим четко ограниченную Чачско-Семиреченскую область (Ташкент, Джамбул, Токмак), имевшую тесные географические и исторические связи и входившую, кроме всего прочего, в VI—VII вв. в одно политическое объединение — в западно-тюркский каганат. Только в этой области уже в трех пунктах обнаружены остатки замков, давшие полный набор тех четырех типов обожженных декоративных кирпичей, которые так эффектно украшают фасад двухэтажной жилой башни Аниковского блюда. Чачско-Семиреченская область, по-видимому, и является тем районом, где искусный местный согдийский⁴⁵ тореут создал этот замечательный памятник, позволивший нам спустя тринадцать столетий представить себе, каким был первоначально тот замок, развалины которого нам пришлось исследовать на одном из древних городищ Чуйской долины.

⁴² Для Согда это известно нам по изображениям стен с зубцами на росписях в Пенджикенте (сб. «Живопись Пянджикента», табл. XIX—XX, XXIV) и по находке фигурного зубчатого кирпича в Самарканде. См. А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 1947, № 4, стр. 131.

⁴³ Е. А. Пахомов. Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. ПИМК, 1933, № 9—10, рис. на стр. 45. В Иране зубчатые фигурные кирпичи известны уже в ахеменидский период, в Афганистане они встречены в храме II—III вв. См. Journal Asiatique, т. CCXI, № 4, Paris, 1952, стр. 448.

⁴⁴ Ср. изображения стен на росписях. С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

⁴⁵ «Согдийский» потому, что, как уже говорилось выше, сооружались замки этого типа в Чачско-Семиреченской области VI—VII вв. местным, согдийским, по языку, населением.